

ПРИВЕТ ИЗ АДА

Вячеслава Пьецуха читать на ночь

не рекомендуется

Независимая газета,
— 1998. — 10 окт. — с. 7

Татьяна Кравченко

Г ОВОРЯТ, что, если человек талантлив, он талантлив во всем. Вот уж нет. Вячеслав Пьецух не был талантливым главным редактором. Но то, что он один из самых талантливых писателей, появляющихся на страницах наших «толстых» журналов, на мой взгляд, совершенно неоспоримо.

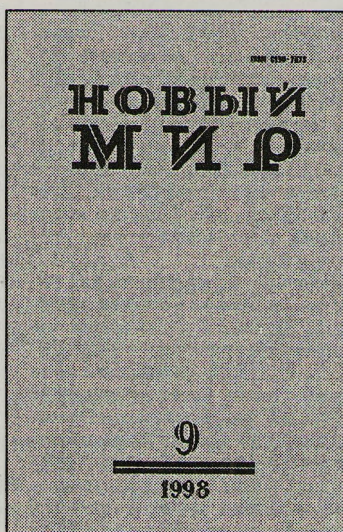
В сентябре любители оных журналов, открывая оливковые, голубые, серые и белые в полосочку обложки, могли обнаружить его имя сразу в двух изданиях, что не так уж часто случается. Рассказы Вячеслава Пьецуха появились одновременно в девяти номерах «Нового мира» и «Октября», по два рассказа в каждом.

И это здорово, что они появились одновременно. Потому что эти рассказы — своеобразные диптихи, связанные соответственно и между собой, и друг с другом. Конечно, каждый фрагмент диптиха имеет право на самостоятельное существование, но только вместе они складываются в целостную, законченную картину, обретают тот смысл, какого во фрагменте можно и не разглядеть.

Формально «Памяти Кампанеллы» и «Жена фараона» («Новый мир», № 9) никак друг с другом не соотносятся. В первом рассказе герой безуспешно пытается попасть в некий городок Мордасов, где на некоем заводе производят дефенолантрацетную кислоту. То есть отправляется персонаж в обычную командировку в Пензенскую область, в душе тоскуя по оставленной в Москве родной лаборатории и привычной тихой-бездельной обстановке. Время действия — советские семидесятые. Начало не сулит ничего необычного: заштатная станция, разбитый грузовик с веселым шофером Коляном, деревенская свадьба с водкой и мордобоем... Но, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. По ходу действия выясняется, что городок Мордасов — нечто вроде чудесного Китеж-града: царят там полное благолепие и рай на земле, но ни одна дорога туда не приводит. Все становится точно как в сказке: и заколдованная тропинка в лесу, и Баба Яга, превратившаяся хоть и не в красавицу, но в интересную женщину, и даже баночное пиво, которое советскому человеку казалось таким же чудом, как скатерть-самобранка, и которого в Мордасове, по слухам, навалом. В конце концов попасть в Мордасов становится едва ли не жизненной целью героя. Даже сами поиски приносят удачу: «Я еще трижды ездил в Мордасов, но так в этот заколдованный город и не попал. В последний раз я отправился туда в марте девятого второго года, когда приказала долго жить наша лаборатория и мне пришлось открыть розничную торговлю мануфактурой; шатаюсь по Сердобскому району Пензенской области, я так насобачился в делах товарооборота, что вскоре сколотил себе порядочный капитал».

А может быть, это здорово, что герой так и не попал в Мордасов? Ведь человеку все время надо к чему-то стремиться. Причем совершенно необязательно достигать желаемого — осуществление мечты опасно, оно может лишить дальнейшую жизнь всякого смысла...

«Жена фараона» — как бы продолжение темы предыдущего рассказа. Соня Параходова, владелица ателье мод, делающая фронтлу

одному известному московскому кутюрье, свою мечту осуществила — придумала фантастическую модель. Утром придумала, днем набросала на бумаге, а вечером облила себя керосином и устроила самосожжение, потому как ее «обуяло подозрение на тот счет, что о человеческой жизни у нее сложилось поверхностное впечатление — по крайней мере она знает о ней не все».

Вот вам и осуществление мечты...

«Октябрьский» диптих открывается рассказом «Паскалеведение на ночь глядя». Модное название и актуальное. Писатели вообще сейчас полюбили масштабно цитировать великих. Прочел имярек, скажем, Ларошфуко или Сергея Булгакова. Прочел, восхитился и до смерти захотел поделиться новоприобретенными знаниями с городом и миром. Что ж, желание вполне понятное и даже похвальное. Под него лепится какой-никакой сюжет, и вот пережеванный, но непереваренный Булгаков цитатами вываливается на страницы собственной повести, рассказа или романа — смотря на что имярек замахнулся. Но случай имярека — не случай Пьецуха. Пьецух тоже заимствует сентенции из Паскаля — на них и построен текст, — но в его рассказе цитирование не только абсолютно оправданно, но и мастерски обыграно. Поскольку конечной целью Пьецуха отнюдь не является донести до непросвещенного современного гражданина мудрость веков.

И здесь, как в «новомирских» рассказах, Пьецух выступает в роли фокусника. Момент — и он выталкивает читателя из такой знакомой и обыденной жизни в темные бездны ирреального, устраивая это совершенно неожиданным образом.

Мужики во дворе вечером рассуждают о Паскале. Как и в «Памяти Кампанеллы», завязка рассказа обычная, русский мужик поговорить любит — можно и о Паскале, и о «Розе мира», и о судьбах человечества (у героев выбор темы зависит от книги, на которую случайно набредет зубной техник Сергей Четыркин). Так что сама книга Паскаля здесь играет роль вполне бытовой реалии. Пьецух делает обманчивый ход: то, что должно было привести в сюжет мистику, мистически «не работает», а настоящая мистика и тайна обнаруживаются в самом неожиданном месте. После рассуждений о высоком и потустороннем вдруг выясняется, что до иного мира рукой подать, в него ведет обычная заколоченная дверь в чулане, к которой Паскаль уж вовсе никакого отношения не имеет. (Тут при желании любите-

ли постмодернизма могли бы уловить намеки на «Золотой ключик» Алексея Толстого...) И оказываются пьецуховские доморощенные философы в роли Буратино. Но за дверью их встречает не крыса Шушера и даже не Вергилий, а некто с бритым затылком, именуемый Владимиром Владимировичем. (Опять-таки для любителей постмодернизма: привет от Данте и от Маяковского.)

Дверь открыта, что за ней происходит, повествуется во втором рассказе «октябрьского» диптиха — «Кончина и комментарии». Владимир Владимирович с бритым затылком — «Вергилий» — проводит по кругам ада, расположенным сразу за дверью, некоего законопослушного гражданина Ивана Ивановича Озеркана.

В аду у Пьецуха наказания за грехи самые неожиданные. Бытовые, можно сказать, наказания. Никаких тебе раскаленных сковородок с чертями и прочих наводящих ужас босховских сцен, все просто и знакомо. Палачей, например, жлет хроническое воспаление легких с температурой сорок, а тех, кто предал Родину, — пардон, вечный понос. Иван Иванович в недоумении — то же мне наказание! Обычное воспаление легких, ничего страшного. На что «Вергилий», усмехаясь, возражает: это не страшно только в первые полчаса. И «Вергилий» прав. Самые крупные в истории специалисты по пыткам — древние китайцы — тоже предпочитали нечто совсем обыденное, вроде капли воды, постоянно падающей на макушку...

Но Ивану Ивановичу Озеркану подобные ужасы не грозят. Он нормальный человек, бывший гражданин Советского Союза, ныне россиянин, и при подсчете грехов и добродетелей у него вышло так на так. (Кстати, и мне давно приходило в голову, что, возможно, в той, будущей жизни всем нам многое простится за место, в котором нас угораздило родиться. За восемь лет с хвостиком — если брать по совокупности, — выстоянные в очередях. За ударные стройки коммунизма, устроенные нашим родителям, и за наше принудительное октябрятско-пионерское детство. За историю КПСС и марксистско-ленинскую философию, считавшуюся в любом институте главным предметом...) Поэтому в загробном мире Ивана Ивановича жлет то же, что было при жизни, — унылый серый барак с комендантом. И опять мистика оборачивается обычной и привычной бытовухой...

Собственно, и «новомирские», и «октябрьские» рассказы Пьецуха построены на одном и том же приеме — причудливом и неожиданном сочетании реального и ирреального, обычного и абсурдного. И прием этот проведен автором мастерски.

И еще. Мне хочется чисто по-человечески поблагодарить Вячеслава Пьецуха за доставленное его рассказами удовольствие. Редкий случай — мне было действительно интересно их читать. Гораздо чаще происходит по-другому — когда на пятой странице текста журнальной публикации, которую надо бы «обозреть», уже заглядываешь в конец и подсчитываешь, сколько тебе осталось мучиться — двадцать страниц или сорок? И вспоминаешь слова Райского из «Обрыва» о некоем популярном у барышень его времени авторе: «Точно мочалку во сне жует...»

Только вот на ночь читать Пьецуха я бы не советовала. Поскольку его рассказы уж очень похожи на нашу жизнь.